

Александр Сафронов

**Гуд, но не
очень.**

Сборник рассказов

Александр Сафронов

**Гуд, но не очень.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сафронов А. И.

Гуд, но не очень. Сборник рассказов / А. И. Сафронов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Рядовой строитель коммунизма иностранными языками не баловался: страна была надёжно закрыта железным занавесом, как родной мыловаренный завод - забором. Когда же держава сменила «...изм», наш человек высунулся наружу и изумился: «Ну ни фигя себе!» Но потом возникло ощущение, будто в бесконечных торговых рядах потеряно что-то важное, своё, пусть и не в такой блестящей обёртке, как у колониальных товаров. Содержит нецензурную брань.

Гуд, но не очень.

Медная лысина академика Вильямса позеленела, а уши так и остались тёмными, словно были отлиты не из металла, а отдельно, высечены из гранита, и поэтому могли игнорировать московскую слякоть. На памятнике значились годы жизни учёного: 1863-1939, а вместо имени и отчества, почему-то стояли только буквы «В», «Р».

Видимо, папаша Вильямса носил такое мудрёное заморское имя, что слепить из него отчество у скульптора не вышло. И чтобы не давать прохожим на улице Прянишникова повода ёрничать, он ограничился инициалами.

Академик куксился на постаменте, рядом с сельскохозяйственным институтом. Его лицо, положение тела и рук выражали недовольство или, даже, испуг. Позеленевшая медь памятника навсегда выгнулась вопросом: «Боже, почему тут, такая холодрыга?!».

У Василия Геннадьевича была более подходящая, для ноябрьского мороза, фамилия: Склокин, но в его голове вертелся тот же вопрос.

Пять минут назад, он позвонил заказчику, у которого должен был забрать образцы и папку с документами, и сказал, что никак не может отыскать его «дом 19А».

– Вы памятник Вильямсу видите? – спросил обладатель образцов.

– Кому памятник?!

– Ну, как говорится... Мужика в пиджаке, видите? Справа от института.

– А...а... Вижу.

– Подойдите, к памятнику, пожалуйста. Я через пять минут буду. Так, наверное, проще получится.

Ну, а поскольку русские «пять минут», часто длиннее астрономических, у Склокина хватило времени присмотреться к скульптуре.

Брюзжание на холод, было вполне объяснимо. Организм Василия Геннадьевича протестовал против того, что его буквально вчера выхватили из жары далёкой арабской страны Катар и окунули в московское предзимье. Отпуск, как всегда, продемонстрировал не лучшую сторону теории относительности. Ведь, перед вылетом дюжина дней на календаре выглядела солидным запасом времени, а сторели каникулы одним мгновением, как вспышка фейерверка.

Страна Катар возникла на горизонте Склокина внезапно. Нет, он, конечно, знал, что двоюродный брат Боря уже полгода там работает. Ну, и что из того?

Сказать, что они с кузеном были особенно дружны, нельзя. Поздравляли, конечно, друг друга с праздниками и семейными юбилеями, но не более.

А тут Боря звонит. Оттуда.

– Я маму погостить приглашаю, а она одна ехать опасается. Мне бы говорит Васю в сопровождающие.

– Мне тётя Валя ничего не говорила.

– А чего тебе говорить? Ты же упёртый.

– Честно говоря, я не думал, никуда ехать.

– А ты подумай.

– У меня и загранпаспорта нет.

– Так сделай.

– А...

– Себе на билет деньги найдёшь, а больше ничего не надо. Полный пансион я тебе здесь обеспечу.

– Да нет... это понятно. А визы?

– Ты паспорт сделай. Будут тебе визы.

На самом деле, если кто и упёртый, так это сам Боря. Только он всегда улыбается. А так... если что решил, спорить бесполезно.

После школы их пути разошлись. Василий Геннадьевич поступил в военно-морское училище, чем привёл в восторг всю родню, а Боря удивил, когда пошёл в нефтяной институт. Ведь его золотая медаль открывала двери практически любого института или даже университета.

Но через десяток лет, мудрость Бори проступила наружу, как фиолетовое пятно на лбу нашего тогдашнего «товарища, генерального секретаря», который вдруг решил стать «господином, президентом». Как только бирку на двери кабинета поменяли, господин президент «угЛУбил» дружбу с заокеанским коллегой до состояния безумной любви, после чего, умения топить вражеские подводные лодки больше не требовалось, и Василия Геннадьевича уволили по сокращению штатов.

Но любовь до гробовой доски случается редко, а эта «угЛУ-бленная», и вовсе, скорее походила на баловство барина с дворовыми девками в бане.

Поэтому, ещё через несколько лет, население узнало слово «дефолт» и принялось следить за ценой на баррель нефти, как диабетик за содержанием сахара в крови.

А поскольку, Боря знал не только сегодняшнюю стоимость баррели, но и завтрашнюю, то он стал интересоваться ценой на элитную недвижимость и дорогие автомобили.

В Стамбуле делали пересадку. Стойка, указанная на табло, тревожно пустовала.

– А это точно: наша? Вась, ты бы спросил.

– И как я спрошу?!

Но вскоре, стали собираться пассажиры. Это подходили арабы в длинных белых одеждах и их жёны, в чёрных. Лица многих женщин закрывали чёрные маски, с прорезью для глаз.

Пока Василий Геннадьевич мысленно перетряхивал свой скудный запас английских слов, тётя Валя подошла к пожилому, поджарому европейцу с рюкзаком за плечами. Для себя, Склокин назначил его «немцем».

– Скузи – на иностранный манер извинилась тётя Валя за беспокойство, и показав пальцем на стойку регистрации, уточнила: – Доха? Катар?

Чтобы немцу было понятнее, тётя Валя ударила слова, в неудобных для русского уха местах: «Дох-А», «КА-тар».

– Я!Я! – радостно закивал попутчик.

Европейцы всегда готовы беспричинно улыбаться, но сейчас радость немца была понятна Василию Геннадьевичу. Приятно среди арабских балахонов увидеть человека в джинсах и, тем более, с рюкзаком. А тётя Валя со своим рюкзачком, в путешествии не расставалась. Она вернулась к племяннику и подтвердила:

– Наш рейс. На Доху.

В самолёте, когда уже сели на свои места, в салон вошли три молодые женщины. До их появления, среди пассажиров рейса, в длинные белые или чёрные арабские одеяния, не был наряжен только «немец».

– Эти девушки с нами из Москвы летели. – поделился наблюдениями Василий Геннадьевич.

– Да? – усомнилась тётя Валя. После пересечения зоны паспортного контроля в Москве, она стала бдительнее обычного.

– Да, да. – заверил Склокин, чья зоркость в сторону прекрасного пола, после недавнего развода, обострилась.

Женщины оказались соседками по ряду. Одна из них обратилась к Василию Геннадьевичу по-английски. Вероятно, она хотела попросить его поменяться местами, чтобы сидеть вместе с подругами. Склокину льстило, что его перепутали с гражданином мира, но пришлось отказать.

– Вы, я слышал, по-русски говорите. – удивил он девушку, и пояснил: – Мы с вами на одном самолёте из Москвы прилетели. К сожалению, я не могу пересесть. Я не один.

Склокин показал глазами на тётю Валю.

После взлёта, бдительность чуть отпустила тётю Валю, но после фразы одной из девушек: «Вы не подумайте: мы не такие», вернулась в свою наивысшую точку.

Откровенно говоря, если бы девушки оказались «такими», настроения Василия Геннадьевича это бы не ухудшило, чего не скажешь про тётю Валю.

– Мы все консерваторию закончили. Я по классу арфы, девчонки пианистки. Мы в холле отеля играем. Годовой контракт заключили. Уже второй раз.

– В отеле на арфе?!

– Да, у них там не отели... Дворцы! Сами увидите.

Арифстка сообщила важную новость: оказывается, в полёте можно заказывать спиртные напитки. Сама она алкоголь не употребляла, но помогла Василию Геннадьевичу объясниться со стюардессой. А потом, он уже сам освоил фразу «Дабл виски, плиз», благодаря чему перестал чувствовать себя лазутчиком, на вражеской территории.

Доха встретила доброжелательно, а к чёрным маскам на лицах арабских женщин, за время полёта, Василий Геннадьевич привык, поэтому сотрудниц аэропорта воспринимал спокойно. Он даже вспомнил несколько дам в Москве, которым не помешало бы носить нечто подобное.

Радость встречи с Борей и его женой Мариной, притомлённая долгим перелётом и катарской жарой, не стала меньше, но приобрела другое послевкусие. А фотография отца Бори, в его квартире, ещё совсем молодого, в военной форме с погонами старшего лейтенанта, с лихо закрученной папиросой, добавила в котёл закипающих эмоций щепотку философии. Покойный муж тёти Вали всю жизнь прослужил в органах, которые у нас боязливо называли «компетентными». В то время, когда была сделана эта фотография, представить, что она когда-нибудь окажется здесь, не смог бы ни один философ, включая самых безумных.

Местные отели, и в правду, больше были похожи на дворцы, чем на гостиницы. Когда заехали в один из них выпить кофе, Василия Геннадьевича особенно впечатлила люстра. Склокин подумал, что она стоит чуть больше, чем его подъезд «хрущёвки» возле метро Перово, со всеми квартирами на пяти этажах.

Походы на пляж напоминали посиделки в перегретой сауне, с последующим купанием в тёплой ванне. Чтобы не сгореть, выбирались на море или рано утром, или ближе к вечеру. Темнело там быстро, причём Солнце, прежде чем скрыться за горизонтом до утра, на десяток минут зависало напротив огромной Луны, словно передавая ей вахту.

В один из вечеров, уже в сумерках, глядя на проходивших молодых парней, Боря заметил:

– Из всех стран, в которых я был, Катар единственное место, где в темноте, встретив незнакомых людей, не напрягаешься. Тут никакого криминала не может быть.

То ли подтверждая правоту этих слов, то ли наоборот, опровергая, рядом с Борей по песку прокатился мяч. Следом прибежала его хозяйка – арабская девочка, лет четырёх. Боря встал, зашёл в воду, и подал мячик девочке.

Через несколько минут к Боре подошёл бородатый араб и заговорил с ним по-английски.

Тётя Валя и Василий Геннадьевич, доселе не бывавшие в местах, где можно в потёмках беззаботно улыбаться незнакомым мужикам, сосредоточенно переглянулись.

– Это отец девочки с мячиком. Он приглашает всех нас, выпить по чашке кофе. – пояснил Боря.

«Всех нас» это: самого Борю с женой Мариной, коллегу по работе Пашу с женой Олей и их двумя детьми, приятеля Сухаиба, говорившего по-русски без акцента, с женой Галей и их тремя детьми, тётю Валю и Василия Геннадьевича.

Появились ковры и серебристые кофейники с зелёным арабским кофе. Мужчины арабского семейства расположились на одном из ковров, а закутанные в чёрное, женщины стояли поодаль, растворяясь в наступающих сумерках.

Глава арабского клана сначала коротко рассказал о себе: учился в Лондоне, теперь президент строительной компании, а потом представил своих сыновей и братьев. Церемония носила характер лёгкой беседы, обмена шутливыми фразами.

Борис подхватил эту непринуждённую манеру общения, и представил свою компанию. Его жена Марина, коллега Паша с Олей, приятель Сухаиб с Галей, и даже дети, находили какие-то доброжелательные английские слова, чтобы не дать огоньку беседы затухнуть.

Заключительная часть представления пришлась на тётю Валю и Василия Геннадьевича.

Бородатый араб и Боря, как главы делегаций, прохаживались между коврами с роднёй.

И когда, они приблизились к тёте Вале и Василию Геннадьевичу, Боря предупредил своего визави, что его родственники из далёкой Московии по-английски «донт спик». Причём наглухо.

Бородач явно не ожидал такого подвоха. Он даже чуть нахмурился, поскольку за оставшиеся полтора шага до ковра, на котором восседали тётя Валя и Василий Геннадьевич, ему нужно было соорудить фразу, дающую хотя бы призрачную надежду на получение ответа. Иначе, элегантный, почти невесомый шар приятельской беседы, падал на песок пудовой чугуновой гирей. Интернациональное сюсюканье для младенцев, в данном случае не годилось, ввиду почтенного возраста дорогих гостей.

В свою очередь, тандем Бориной родни, и так не особо улыбочивый, тревожась за престиж родной державы, и вовсе насупился.

Судорожное просеивание крупиц иностранного языка, осевших в их головах, как накипь на доннышке чайника, не обнадеживало. У тёти Вали словечки вообще были с французским прононсом, а у Василия Геннадьевича, за каким– то лешим, всплыл только вопрос школьной «англичанки»: « Ху из он дыоти тодэй?». Кто сегодня дежурный?

– Доха гуд? – с некоторой опаской спросил катарец.

– Доха вери гуд! – заверил Василий Геннадьевич.

Ассамблея одобрительно заулыбалась, а тётя Валя посмотрела на племяша с восхищением, причитающимся человеку, осилившему иностранный язык.

На следующее утро, Боря предложил:

– Нам с Мариной по делам отъехать надо. Поэтому мы вас в клуб завезём. Там и пляж, и бассейн, и от солнца есть, где укрыться. А через пару часов, Марина за вами заедет.

В клубе, тётя Валя и Василий Геннадьевич расположились в тени навеса, сплетённого из тростника. Дислокация определялась видимостью настенного циферблата, позволяющего отслеживать срок двухчасовой командировки.

Все дни пребывания в Катаре, гости находились под такой, всё предусматривающей, опекой Бори и Марины, что перестали носить с собой, не только часы, но и телефоны, документы, и даже деньги.

Полтора круга маленькой стрелки клубного циферблата прошли в неге. А потом, Василий Геннадьевич подумал и сказал:

– Вот так, случись что, и мы даже адреса не знаем, где живём. Ни номеров телефона. Ничего!

В ответ, тётя Валя, с видом резидента нелегальной разведки, продиктовала мудреный адрес Бориной квартиры, номера телефонов, и Бори, и Марины.

– Ни фиги себе! – восхитился Василий Геннадьевич, а потом пошутил, кивнув на лежак с их пляжным имуществом: – Ну, тогда в случае чего толкнём барахло, и деньги на такси будут.

Эта шутка не нарушала своего основополагающего принципа: «в каждой из нас, есть доля правды», поэтому тётя Валя перевела вопрос в практическую плоскость:

– Кому толкнуть?

– Да, хотя бы вон тому «шкафу» у ворот! – Василий Геннадьевич показал глазами на огромного негра, которого если и можно было сравнить со шкафом, то только с трёхстворчатым.

Тётя Валя, как человек, к которому перешло руководство всей московской делегацией, поскольку только она владела контактами на Аравийском полуострове, задумалась. Наконец, непростое решение было принято:

– Ну, сходи, поговори.

– С кем?

– С негром.

– Как я с ним поговорю-то?!

– Ну, ты же вчера на пляже разговаривал с тем мужиком! По-английски!

Внезапно, словно почуяв желание пообщаться, охранник сам зашагал к тёте Вале и Василию Геннадьевичу.

Вблизи, негр оказался ещё шире. Было впечатление, что его мышцы имели рельеф даже на лице. Впрочем, у покойного супруга тётя Вали, для подобных физиономий, имелось более подходящее слово: «будка».

Что пытался поведать сотрудник клуба, осталось загадкой. Заподозренный тётей в знании английского языка, Василий Геннадьевич угадал только слово «сэр», хотя и оно было негром исковеркано.

Потом, когда рассказ перешёл в пантомиму, и охранник стал прикладывать к уху свои кулаки, размером с пивную кружку, возникло предположение, что речь идёт о каком-то телефонном звонке.

Вдова советского контрразведчика и бывший член партии сомкнули свой ряд, готовясь дать отпор, ушлому на провокации империализму.

Возглас «мама» слышится в тяжкий для русской души момент. В исполнении невестки, он прозвучал скорее радостно.

Марина, как всегда с улыбкой, поговорила с негром, и он с видимым облегчением тоже заулыбался, демонстрируя отсутствие даже малейшего намёка на карьер.

– Это я в клуб позвонила. Попросила вас предупредить, что могу задержаться. А то ведь, я знаю: «начнётся паника... – Марина посмотрела на Василия Геннадьевича и воспользовалась его лексиконом: – ... как при пожаре, в дурдоме, во время землетрясения».

Марина выглядела чуть запыхавшейся, но довольной. Она показала рукой на циферблат клубных часов:

– Но я не опоздала. – и добавила своё, традиционное: – Ребята, улы-ба-емся!

... Вспомнив её постоянное пожелание, Василий Геннадьевич улыбнулся. Принял у мужчины, похожего на профессора, файл с документами, пакет с образцами, и кивнув на памятник, поинтересовался:

– А вы, случайно, не знаете, как Вильямса звали? А то, тут только инициалы.

– Василий Робертович.

– Скажите, пожалуйста.

– Да, звучит неожиданно: Василий Вильямс. Но это отец у него американец. А будущий академик родился в Москве, где и прожил всю жизнь.

Василий Геннадьевич задумчиво выгнул свою бровь, словно, её линией хотел подчеркнуть превратность человеческой судьбы.

Но в настоящий момент он размышлял о другом. Ведь, фамилия тёзки-академика могла быть написана неправильно! «Вильямс» вполне мог оказаться «Уильямсом».

Кто-кто, а уж Василий Геннадьевич Склокин, почти две недели проживший в англоговорящей стране, на себе прочувствовал неоднозначность транскрипции.

Удача.

Если кто переживает относительно кота, спикировавшего с балкона четвёртого этажа дома номер двадцать три по улице Южной, то можете не волноваться.

Этот дурошлёр разминулся с бетонным водостоком, и отделался лишь царапинами на своей угольной морде. Правда, следующие две недели, при личном общении, «лётчик» норовил подмигнуть собеседнику левым глазом, но уже в мае, и царапины, и нервный тик прошли.

В нашем животном, а часто скотском мире, правильно подобранная кличка или известная фамилия играют роль охранной грамоты. В данном случае, так и случилось. Кота звали Лаки, что подразумевает «удачу».

Это происшествие недолго верховодило среди новостей двора дома, и сегодня было упомянуто лишь вскользь, в ходе неспешной беседы, прилагавшейся к ежевечерней прогулке, по этому самому двору.

Прогуливалась, известная в доме, троика: пёс Бенья с инвалидом Василичем из семидесятой квартиры и безымянный чёрный кот, с белым пятном на груди.

Но Василич в разговор не лез. Он, вообще, по жизни был мужчиной немногословным. Да, и что это за беседа получилась бы? Ещё хуже, чем с англичанами, когда без водки или без переводчика.

У Василича, в его прошлой, доинвалидной жизни, имелся опыт непреодолимого языкового барьера. Это когда в чужой стране он решил купить лекарство от «геморроя», а заморский аптекар всё удивлялся, почему с ним решили о каком-то «герое» побеседовать.

Кот был ничей, постоянного места жительства не имел, и о домашнем Лаки говорил с плохо скрываемой ревностью. Но не о падении из окна, что весной с любым котом может случиться, а о том, что такого дурака взяли жить в квартиру.

Беня возразил, что не всё так просто. В том смысле, что тому же Лаки, на его месте, многому пришлось обучаться, а чем-то даже жертвовать. А Бенедикт понимал в казённой службе. Ведь до поступления на должность домашнего животного в квартиру инвалида Василича, он получил широкое образование на живодеёрне, что на окраине города.

– Например, язык надо знать.

– Зачем?

– Чтобы бы на кличку свою отзываться. Хозяева это любят.

– А если не отзовёшься?

– Не отвяжутся, будут орать, пока не охрипнут. Вот как тебя мой шеф называет?

Собака преданно посмотрела на Василича и завиляла хвостом.

– «Пись-пись»? – после некоторого раздумья, неуверенно спросил кот.

– Ты имеешь в виду «кись-кись»?

– А есть разница?

– «Кись-кись» так всех котов подзывают.

– А «пись-пись» не всех?

– Не забивай голову: «пись-пись» тебе не потребуется. Так вот, шеф называет тебя Аферистом.

Доселе безымянный кот помнил, что когда при встрече Василич высыпал перед ним пригоршню сухого корма, он всегда что-то приговаривал. Но что именно, кот, конечно, не понимал.

– Что это значит?

– Ну, как тебе сказать... Аферист это такое... энергичное, хитрое животное.

– Уважительно!

– А Василич, вообще, к тебе с симпатией относится, даже мне в пример ставит.

Нагловатый, упитанный или, как говорили бабушки на лавочке во дворе, «гладкий» Аферист походил скорее на домашнего кота, чем ничейного. А пугливый, тощий Беня, встретив на лестнице кого-нибудь из соседей, разворачивался и удирал. Широкое образование, полученное по принуждению, многих сделало неврастениками.

– Сложный язык.

– Русский.

– А другой есть?

– Есть. Василич, когда выпьет, говорит: «черти нерусские!». Вот, у этих чертей свой язык. Нерусский.

Следующая новость о жертве, необходимой при поступлении на должность кота домашнего, привела Афериста в состояния шока.

– Лаки ведь яйца отрезали.

– Пытали!? – от ужаса кот остановился и сел на землю. Потом задрал заднюю лапу, словно желая убедиться, что у него всё на месте, и стал нервно вылизываться.

– Да, нет . Сказали, наоборот, чтобы не мучился.

– А он что мучился? – никак не мог понять кот. И видимо пытаюсь разобраться, спросил:–

А себе они тоже отрезают?

– Отрывают. Тут Василич сказал, что какому-то Аркадию Борисовичу точно яйца оторвёт.

– Жуть какая-то!

–Но разговор о другом. Я тебе объясняю: любая карьера требует жертв.

– Да уж!

– И постоянного совершенствования.

– Например?

Пёс выдержал паузу, обязательную перед важной новостью, и выдохнул:

– Ты знаешь, что Лаки должен какать в коробку?

– Да, ладно!

– Лаки, конечно, бунтует!

– Отчаянный мальй!

– Я тебе больше скажу: они тоже в коробку срут. – Беня показал глазами на Василича. –

Только в другую. Унитаз называется.

– Зачем?!

– Такие нравы.

– Дурость какая! И котов мучают, и себе жизнь портят.

– Но главное в нашей службе, это, конечно, порода самих хозяев. Лаки в этом плане повезло. Мне тоже.

Беня ткнулся носом в ногу Василича.

Да уж. Если бы не Василич, который работал сторожем на складе, по соседству с живо-дёрней, и забрал тогда ещё безымянного Бенедикта к себе, сейчас бы приятели не беседовали.

А у Лаки, восхождение по служебной лестнице, или, лучше сказать, получение места (в комнате тёти Поли), как и многие удавшиеся карьеры, произошло не без посторонней помощи. Блатом это не назовёшь, но протекцию, грузчик из овощного магазина, будущему Лаки составил.

Менеджер по переноске квадратных и перекачиванию круглых грузов, был хмур, огро-мен и чуть пьян, по случаю предстоящего захода Солнца.

Он протянул тёте Поле свою ладонь, на которой уместилась маленькая картонка с разва-лившимся в ней Лаки, тогда ещё не с угольной, а серой мордочкой.

– Женщина, возьми котёнка.

Тётя Поля попыталась пройти мимо:

– Не нужен мне никакой котёнок!

Грузчик перегородил ей дорогу:

– Хороший котёнок!

Тут с мастером грузовых операций можно было поспорить: котёнок выглядел заморы-шем. Но дело не в этом. Просто жилищные условия тёти Поли были аховые, и что называется, котёнка там только и не хватало.

– Нет. – тётя Поля даже всплеснула руками. – Отстаньте от меня!

– Тогда, я его сейчас об стену жажну! У тебя на глазах!

Из картонки высунулась серая мордочка котёнка, словно желающая подтвердить свою завидную участь:

– Тётенька! Ведь «стопудово» жажнет!

– Господи, ну откуда вы взяли на мою голову?!
Фраза была произнесена женщиной с надрывом, но после неё Лаки стало как-то спокойнее.

В комнате тёти Поли, Лаки удивился: какие, всё–таки, люди странные. Сами себя пугают таинственными квадратными метрами, а места свободного навалом! В том же шкафу, хочешь на полке с ботинками отдыхай, хочешь, среди шапок, наверху.

Кстати, совершенно случайно выяснилось, что Лаки никакой не сиамский кот, как все решили поначалу, а самый, что ни на есть, тайский.

А потом, когда кот обжился, и стало казаться, что жизнь удалась, судьба, вдруг, вынесла приговор: чумка.

И начались бесконечные поездки в больничку, и днём, и ночью, где кололи Лаки какой-то страшной штуковиной с иголкой на конце. А соседи брюзжали вслед тёте Поле:

– Бестолку! Всё равно сдохнет.

Что тут скажешь? Можно только повторить: повезло тайскому коту с породой его хозяйки. Выходила тётя Поля своего домочадца.

Болезнь отступила, но от этих мучительных поездок к лекарям, в душе Лаки поселился страх. Он и до болезни был робок, но теперь при появлении в доме сантехника или электрика, кота охватывал просто ужас. И бежал он прятаться под ванну, а когда и это укрытие теряло свою надёжность, залезал под покрывало на диване и не шевелился.

Боязливость не самое плохое качество для казённого служащего, но вы представьте отчаяние Лаки, когда на его должность «кота домашнего», ради которой через столько пришлось пройти, появился новый назначенец.

Метры квадратные это, конечно, ерунда, но миска для сухого корма, между прочим, одна!

Первые дни, после появления в комнате ещё одного кота, Лаки даже перестал смотреть в сторону тёти Поли. Теперь он сидел, только повернувшись к ней спиной. О, сколько обиды и горечи было в этой спине! «Нет предела человеческому коварству!» – вторили спине уши, повернутые тыльной стороной к предательнице.

Но надо было что-то делать! Сражаться! И Лаки стал выталкивать наглого «британца» с кровати тёти Поли, когда пристраивались на ночлег.

Котята были примерно одного возраста, и схватка требовала титанических усилий. И в запале борьбы, Лаки поддерживал себе где-то услышанной фразой:

– Понаехали тут!

Но у англосаксов склонность к интригам в крови, и «британец» стал действовать лестью. Он урчал, закатывал глаза, подставлял своё пузцо и лизал руки тёти Поли, когда она гладила его серую шёрстку.

Лаки, не признававший этих «телячьих нежностей», всегда старался подчеркнуть свою независимость, поэтому назвал конкурента подхалимом.

Британец не обиделся, он, вообще, был не обидчив, и пристально посмотрел своими янтарными глазами на Лаки:

– Странный ты малый. Я просто выполняю свои служебные обязанности. Свободные художники там. – Англичанин, по своему обыкновению примостившийся на перилах балкона,

кивнул в сторону двора. – Хочешь туда, пожалуйста. Но без миски. Кстати, у нас теперь разные миски. Так что не парься.

– Я и не парюсь.

– Я вижу, как ты не паришься. Между прочим, я здесь в командировке. Через месяц хозяева вернуться, и заберут меня.

– Имя у тебя какое-то странное: Вольтик.

– Меня маленькой девочке подарили, она это имя и придумала.

– Как подарили? – изумился Лаки.

– Ну, «как, как»? Купили и подарили на день рождения.

– Купили?!

– Ты всё со своей независимостью носишься? Понимаешь, дружище, то, что ты валишь не в лоток, а куда вздумается это не независимость. Это всего лишь твоё раздолбайство и мягкотелость тётки Поля. Ладно, хватит умничать: залазь сюда.

– Не могу. Я после болезни высоты боюсь.

– Болезнь это плохо – как-то совсем по-взрослому сказал Вольтик. – Ладно, погнали в комнату. Там что-нибудь придумаем.

Они подружились. Вольтик оказался спокойным, рассудительным парнем, никогда не искавшим конфликта, а частенько, и сглаживающий острые углы, нервной природы Лаки. Но однажды, тётка Поля не пошла утром на работу, засунула Вольтика в сумку-переноску, и они куда-то уехали.

– Значит, месяц уже прошёл, и эта дура-девчонка уже вернулась. – расстроился Лаки.

Всё произошло настолько быстро, что он даже не успел попрощаться со своим другом. А скорее всего, братом.

На кухне, Лаки увидел, что тётка Поля забыла миску Вольтика. Как же он там без миски будет?!

Но вскоре, тётка Поля вернулась. Лаки был так огорчён, что даже не пошёл её встречать. Но неожиданно, тётка Поля прошла в комнату, не разуваясь, чего никогда раньше не делала. Оказывается, она несла Вольтика, который был без сознания. Тётка Поля положила его на пол. Промежность кота была обильно вымазана зелёнкой.

Когда тётка Поля ушла на работу, Лаки испуганно улёгся рядом с братом, и даже положил на него свою переднюю лапу, словно это могло уменьшить страдания Вольтика.

Когда наркоз стал отпускать, Вольтик открыл глаза и поинтересовался:

– Как сам?

Он был, как всегда безмерно рад жизни, и не собирался расстраиваться из-за такого пустяка, как кастрация.

Лаки так обрадовался пробуждению брата, что не успел подобрать более подходящие моменту слова:

– Тебе тоже отпилили...

– А, ерунда. Издержки нашей профессии. И, поверь мне, далеко не самой худшей.

– Отказались от тебя хозяева? И девочка, эта твоя, которая такое дурацкое имя придумала.

– Бывает. Не усматриваю повода для огорчения. Будем теперь вместе, братуха.

Как только Вольтик очухался и смог ходить, он отправился к своим любимым балконным перилам. Но Лаки решительно перегородил ему дорогу:

– Сегодня нет. Сорвёшься, дурак!

В комнате тёти Поли поселилась, казалось ушедшая совсем, радость. А как ещё прикажете назвать эти два клубка, выкатывающиеся навстречу, едва вы открыли дверь? Концентрация радости жизни в них была запредельная. Поэтому они успевали куснуть друг друга, и толком не оттерев ваших сапог, умчаться по своим неотложным делам.

Осень, и особенно зима, превратили котят в элегантных молодых котов. Благородного серебристого окраса, Вольтика и белого, с чёрной симпатичной чёрной мордочкой Лаки.

А весной началось непонятное. Загрустил и перестал есть Вольтик.

– Ты чего не ешь? – скорее не спросил Лаки, а хотел поторопить брата, ведь дел на день было намечено невпроворот.

Вольтик промолчал, но что-то в его взгляде мелькнуло холодное, чужое. Он тянул с какой-то страшной, не поправимой новостью.

– Ты чего? – перестал есть Лаки.

– Помру я скоро. – сказал Вольтик. Тихо сказал, как что-то само собой разумеющееся.

– Да, что с тобой случилось? Ты заболел?

– Почки у меня...больные. И бабка моя от этого померла молодой, и родители.

– А откуда ты про свою бабку знаешь? – искренне удивился Лаки.

– Я ведь из питомника, с родословной. Только наша вся ветка бракованной получилась, поэтому за полщены и продают.

– Да, брось ты! Тётя Поля вылечит! Она меня от чумки спасла. Там, вообще, без вариантов было! – стал убеждать брата Лаки.

– Ну, разве что тётя Поля... – то ли согласился Вольтик, то ли просто не хотел тушить огонёк надежды, вспыхнувший в глазах брата.

И действительно, через пару дней, тётя Поля задумчиво постояла возле миски Вольтика с нетронутым кормом, а утром сунула его в переноску и они уехали.

– К ветеринару повезла! – облегчённо вздохнул Лаки, убеждённый в волшебных возможностях тёти Поли. – Ну, теперь она его вылечит.

Родственники вернулись почему-то только вечером, хотя Лаки отлично знал, что больничка находится недалеко от их дома. Тётя Поля выглядела какой-то подавленной, а брат был настолько измотан поездкой, что сразу же уснул.

А ещё, в комнате запахло лекарством. Лаки ненавидел запах этих капель, ведь он означал, что у тёти Поли опять заболело сердце.

Утром, когда она ушла на работу, Лаки спросил:

– Чего вы вчера так долго?

– Нас из маленькой больнички направили в большую. Туда долго ехать. Меня там про-светили.

– Фонариком?

– Нет. Там, наоборот, в комнате темно было.

– И чего сказали?

– Сказали... Ну, сказали: мы вам письмо напишем!

– Это хорошо. Письмом оно надёжнее. Документ всё-таки. – согласился Лаки.

Но у него осталось ощущение, что брат не договаривает. Как будто, бережёт, зная его впечатлительность и нервозность.

Между тем, с каждым днём Вольтику становилось всё хуже. А тётя Поля почему-то не везла его в больничку. Этому Лаки не понимал. Ведь надо возить его туда и днём, и ночью, к этому бородавотому дядьке, и колоть, колоть, колоть страшной штуковиной с иголкой на конце! Ведь только так можно вылечиться!

Лаки бегал кругами по комнате, тыкался носом в ноги тёте Поле, вставал перед ней на задние лапы. Но она словно не слышала, только лежала и смотрела в потолок.

Уже когда Вольтику стало совсем плохо, Лаки удалось до неё достучаться, и тётя Поля достала переноску.

А может дело было вовсе не в мольбах Лаки, а, наконец, пришло письмо, про которое говорил Вольтик. И в нём всё прописано, как и чем правильно лечить брата. И может быть, даже не надо колоть этой проклятой штуковиной с иголкой. Тётя Поля, конечно и сама знает, как вылечить Вольтика: она ведь волшебница, но письма надо было дожидаться. Документ, всё-таки.

Сумка стояла посредине комнаты, а тётя Поля почему-то не торопилась засовывать туда Вольтика. Обычно, она делала это очень быстро, а сегодня тянула, как будто давала ребятам попрощаться.

Но Лаки не собирался устраивать долгие проводы. Он, юлой крутился у ног тётки Поли, подгоняя её. Ведь, надо скорее ехать, лечить брата, ведь, ему так тяжело, и видно, как он мается. Наконец, они уехали.

Но тётя Поля вернулась неожиданно быстро. А переноска жутко зияла пустотой.

В тот вечер, Лаки узнал, что оказывается, тётя Поля тоже может плакать. Лаки знал, как плачут их соседки, но никогда не видел слёз тётки Поли.

Ночью, Лаки почти не спал, изредка забываясь тревожной дремой. А утром, оставшись дома один, он не находил себе места. А потом, в его измученную бессонной ночью голову, пришла мысль забраться на перила балкона, на которых так любил сидеть Вольтик. И не побо- ялся, прыгнул на ограждение, но чуть не рассчитал и сорвался вниз.

Но обошлось. Как вы уже знаете, отделался Лаки, всего лишь, парой царапин на своей симпатичной мордашке.

Странное дело, но после этого падения из Лаки ушла боязнь высоты. А вот, при появ- лении сантехника, он по-прежнему впадал в панику. И когда какой-то страшный дядька стал затаскивать в квартиру строительные материалы, а затем, принялся стучать молотком и виз- жать дисковой пилой, Лаки убежал и залез под ванну.

Конечно, весь этот кошмар было бы безопаснее пережить под покрывалом дивана, но пробраться туда незамеченным, не представлялось возможным. На следующий день всё повто- рилось. И когда ужас прекратился, и дядька ушёл, Лаки просидел под ванной ещё три часа. Для верности.

А когда выбрался, то обнаружил, что их с тётей Полей балкон, превратился в комнату с большими белоснежными окнами и подоконниками.

Вот бы Вольтик обрадовался! Ведь лежать на широком подоконнике гораздо удобнее, чем на железных перилах балкона.

Теперь, по утрам на подоконнике Лаки принимал солнечные ванны, а вечером наблюдал, как на свою традиционную прогулку выходят пёс Бенья с инвалидом Василичем из семидесятой квартиры. К ним сразу подходит чёрный кот с белым пятном на груди и Василич угощает его пригоршней сухого корма.

Глядя на эту троицу, Лаки вспоминал Вольтика. Как он говорил про должностные обязанности и судьбу свободного художника.

По псу Бенедикту было видно, что он вполне доволен своей должностью. А вот у Василича карьера явно не сложилась. Кота же устраивал статус свободного художника. Конечно, вон у него морда, какая! Одно слово: Аферист.

Неприятности на работе.

Игра сразу не задалась, пошла наперекосяк и через одно место. Через какое именно, конкретизировал, выбежавший к боковой линии, тренер «Молота» Алексей Данилыч. Между собой игроки звали его Торшером. Тень от долговязой фигуры Данилыча, отброшенная на лысое, без единой травинки футбольное поле обосновывала выбор прозвища.

На игровой установке перед матчем, Данилыч минут пять двигал по столу пачку дефицитных сигарет «Союз-Апполон», обозначая командные действия и дважды упомянул Йохана Круиффа. Философию тотального футбола, преподанную голландской сборной на недавнем чемпионате мира, Торшер изложил конспективно. А в конце выдохнул:

– Хорошо бы гол забить... сразу.

– Лучше два! – дерзким эхом отозвался дальний угол раздевалки.

Дерзил, судя по всему, Валера Сабадаш. Саба был любимцем местной, не измученной аллергией на горячительные напитки, торсиды, а его звёздный статус, подчёркивали автомобиль «Москвич-412» и личное знакомство с директором завода-гиганта, приёмным детищем которого и была команда «Молот».

Ведь, советский спорт, в отличие от советского балета, значился занятием непрофессиональным. Поэтому если по сцене Большого театра грациозно перемещались балерины, то столбы пыли, на футбольном поле города С. поднимали «фрезеровщики» и «электромонтёры» местного завода-гиганта. И судя по зарплатной ведомости, Валера Сабадаш относился к золотому фонду научно-технического потенциала предприятия, хотя на заводе бывал только в день полочки.

Торшер колкость проигнорировал, но тут нашлись скептики и у голландской модели игры:

– Данилыч, так там же лужа, размером с Белое море!

Боевой дух выходил из команды, как пузырьки из бутылки с брагой. Чтобы прекратить брожение, тренер грозно рявкнул:

– И что теперь?! Ноги боишься промочить? Хватит болтать! Марш на поле!

На выходе из раздевалки, Жора Малмыгин озвучил свои сомнения:

– Мужики, я не понял: по какой системе играем?

Кто-то из полузащитников буркнул:

– У нас одна система: «бей-беги».

Своим появлением на свет футбольное поле города С. не нанесло видимого урона земной поверхности, сохранив особенности местного рельефа. И если рассуждать категориями огорода, яма перед левой штрафной площадью («левой», это если стоять лицом к покосившейся деревянной трибуне стадиона.) имела глубину незначительную.

И в этой ямке на футбольном поле, не избалованном дренажом и травой, к осени, играла зябью водная гладь.

Но сравнение данной лужи с Белым морем нельзя назвать удачным, потому как и контуры водоёмов были абсолютно не похожи, и островов, как в Белом море, в луже не наблюдалось.

Лужа разлеглась перед штрафной площадью, в центре, поэтому атакующей команде следовало активнее использовать фланги. В принципе, это не противоречило философии игры Круиффа.

У Жоры Малмыгина случались матчи, после которых и великий Йохан восхищённо показывал бы ему большой палец, если бы нелёгкая занесла голландца в город С. Но были в карьере форварда Малмыгина и провальные игры. И когда Жору спрашивали, от чего это зависит, он только пожимал плечами:

– Хрен его знает! Похоже, всё зависит от первого касания мяча. Если удачно принял пас, обработал, так всё и пойдёт, как по маслу. А если упустил мяч...

В тот день, «первый» мяч, прилетевший к Малмыгину, отскочил от Жоры, как от необструганной деревяшки.

Драма начала плести кружева своего сюжета в конце первого тайма. Хотя, если бы мозги у Саши Кисенкова располагались не так компактно, драма могла сдвинуться в сторону трагедии.

Но о каких мозгах у центрального защитника можно вести речь, если вратарь выходит из ворот и орёт: «Я!», так что в соседнем доме дрожат стёкла, а стоппер продолжает лезть к мячу, как медведь в малинник, выламывая по дороге молодые берёзы!?

Вратарь, конечно, тоже красавец! Выпрыгнул и своим кулаком, размером с голову юного пионера, вместо мяча зарядил в лоб Кисенкову. Ну, ты прицелься сначала! Прежде чем своими кувалдометрами размахивать! Хорошо ещё Киса попался, чьи извилины, не поцарапанные всякими законами Ньютона и незабвенной повестью «Муму», хранили девственную упругость и в нужный момент самортизировали!

А нормальный человек после такого «недоразумения», мог начать к собственной жене на «вы» обращаться.

Миновав «взаимодействующих» вратаря и защитника, мяч словно управляемый снаряд, сделал петлю, как бы выбирая цель среди толкающихся в штрафной площади мужиков, остановил свой выбор на Жоре Малмыгине, врезал ему по затылку и вприпрыжку пересёк линию ворот «Молота».

Если вы думаете, что в этот момент Данилыч выдал что-нибудь эдакое, то ошибаетесь. Ничего революционного в отечественную ненормативную лексику, тогда он не привнёс. Досада Торшера ушла в плевок в землю и мимическую щедрость.

Конечно, на установке перед игрой Данилыч сказал о современных тенденциях развития футбола. Об универсализме, будь он неладен, упомянул! Голландцы так теперь играют: нападающие обороняются, защитники атакуют. Но Данилыч для умных говорил, а дураки услышали! Нельзя же всё буквально понимать! Вы же бреетесь, значит рожи свои иногда видите! Улавливаете разницу между Йоханом и Жорой с Кисой?! За каким чёртом, Малмыгин к своим воротам прибежал?! Он, отродясь, в защиту не возвращался, универсал хренов.

Но если капнуть глубже, разбирая переломный момент матча, то выяснится, что очарование новомодного, тотального футбола имеет к произошедшему лишь косвенное отношение.

Дело в том, что возле своих ворот Жора оказался вовсе не из-за восхищения игрой голландской сборной, а по просьбе своего кореша Пети Близнюка.

Играли они на одном фланге, только Жора впереди, а Близнюк у своих ворот, защитником.

И вот в середине первого тайма, Петя дотащился на чужую половину поля и, поблёскивая потной лысиной, дыхнул на форварда перегаром:

– Жора, выручай! Вчера кум приехал. Помираю!

Ну, что ты будешь делать?! Но уж точно, не побежишь к Торшеру дискутировать о путях развития мирового футбола. Эх, Петя, Петя, хрен ты старый, игра-то важная! Дерби областного разлива.

Хотя, что «Петя, Петя»? Это считай, как производственная авария: «кум» к любому внезапно может приехать. Да, по совести говоря, Близнюк этим делом не злоупотреблял. Не то чтобы совсем уж не пил(таких маньяков в команде не было!), но выпивал не больше других.

К тому же Петя был уже в солидном возрасте: «тридцатник», всё-таки, и Торшер всё чаще поглядывал в его сторону, как ковбой на кобылу, которую заждались на живодёрне.

А Петя надеялся ещё годика два-три побегать по своей бровке, хотел за это время спортивный техникум закончить. Заочно, конечно. Он уже и вступительные экзамены сдал. Преподаватель по анатомии слушал его внимательно, а потом спросил:

– Вы откуда так хорошо скелет человека знаете? У вас медицинское образование есть?

– Нет – ответил Петя. – У меня на левой ноге две операции было, и три на правой. Ну, и ещё там по мелочи...

По остальным предметам, Близнюк, что называется «ни в зуб ногой», но помогли ходатайство от футбольного клуба «Молот», подписанное Торшером, и положительные характеристики от руководства завода-гиганта.

Так что спасать надо было кореша.

И принялся Жора Малмыгин культивировать голландские тюльпаны на родном футбольном огороде. Или, если не баловаться аллегорией, то стал Жора уютить весь фланг, носиться, как ненормальный, от своих ворот до чужих, страхуя свистящего, как паровоз Петю.

Ну, и понятное дело, к концу первого тайма, на правой бровке «Молота» свистело уже два паровоза.

Поэтому, когда перед самым перерывом Жора Малмыгин, на негнущихся ногах, доковылял до своих ворот, он уже плохо соображал и мяча, который от его головы в собственные ворота залетел, не видел.

Да, и то сказать, «универсализм игроков»... этот ...голландский! Вы сами-то пойдете, зубы дёргать к врачу, который свои собственные проел, работая гинекологом?! Ну, вот и Жора о том же самом бубнил, шагая с поля на перерыв: форвард это форвард, а у защитника свои навыки и умения. Вечно эти голландцы придумают, какую-нибудь муру! Да, потому что всякую дрянь курят, лучше бы уж водку пили!

Малмыгин обернулся, будто надеясь услышать слова одобрения своим размышлениям. Но в узком коридоре перед раздевалкой за ним шёл Киса, который после недавнего «взаимодействия с вратарём» вдумчиво ощупывал свой череп, и не был расположен к обсуждению вредных привычек жителей Нидерландов.

В раздевалке клубилась ядовитая тишина. Наконец, Торшер произнёс:

– Судя по вашей игре, квартальная премия вам не нужна. Жора, я правильно понимаю? Ты, кстати, передай своей жене, что в очереди на стиральную машину ты теперь замыкающий. Пусть она тебе расскажет о функциях форварда на поле, а то я уже устал тебе одно и то же повторять. – потом тренер резюмировал:

– Решайте сами, что вам нужно, что не нужно. Время ещё есть. Целый тайм.

После игры, прихрамывая на левую ногу, Жора Малмалыгин брёл домой. Мысли его соответствовали хмурому октябрьскому вечеру:

– Сейчас дома начнётся. Ну, и где обещанная премия? А стиральная машина, где?

«Где, где» – в Караганде! – огрызнулся своим мыслям Жора и остановился.

Он вспомнил, что его Нинка была из Караганды. Жена присказку эту не любила, могла принять за переход на личности и проявить акт агрессии.

– Не, – подумал Жора, – про Караганду лучше не надо.

Он ещё раз осмотрел свой распухший левый голеностоп, и успокоительно произнёс:

– Хорошо без перелома обошлось. А это ерунда, ушиб, пройдёт!

И захромал дальше.

...После того матча, уже сорок футбольных сезонов пропылило по полю города С.

Великий Круифф, лидер легендарной голландской сборной, недавно ушёл из жизни. Усилиями переводчиков, он превратился из «Круиффа» в «Кройфа». Имя, по доброте душевной, скрупулезные толмачи рихтовать не стали, и оставили прежним: Йохан.

А на футбольных пейзажах самого города С. мало, что поменялось. Правда, новую трибуну с тёплым сортиром и огороженным навесом, для важных персон, поставили, но трава на футбольном поле, так и не появилась. И легендарная лужа, совсем не похожая на Белое море, к октябрю входит в свои берега.

Педагогическое амбре.

1.

Героический ореол профессии разведчика летуч, как запах модного парфюма. По мере приближения к сути занятия, туман таинственности рассеивается, открывая взору океан цинизма, на волнах которого покачивается лодка «рыцаря плаща и кинжала». Засада под любовным ложем кандидата на вербовку, может зародить в шпионской душе сомнения относительно высокого предназначения службы.

А стезя путешественника? Когда в блуждании среди бархан, вдруг выясняется, что кусачие, как собаки, блохи, ранее принадлежавшие ишаку, теперь стали общими.

А ведь, есть области человеческой деятельности изначально лишённые волнительной загадочности. Вот, ассенизатор может посетовать на отсутствие романтического флёра у своего бизнеса.

В старину, этих специалистов язвительно именовали золотарями. Впрочем, Николай Федосеевич Лекарев называл свою профессию «дерьмовщиком», из чего становится видно, что Николай Федосеевич, по складу характера, был склонен в любой проблеме отыскивать серёдыш, не отвлекаясь на блестящую мишуру словесных деликатностей.

Да, и вообще, как специалист, привыкший часто работать в экстремальной ситуации, Лекарев словами не транжирил. И если сегодня, директор офисного центра, впервые столкнувшийся с прорывом канализации и закрывающий нос рукавом модного пиджака, попытался сократить расходы своего предприятия:

– Вы что офонарели? Откуда такая цена?!

Николай Федосеевич молча, свернул шланги своего «говновоза» и уехал, справедливо полагая, что тяжкий дух супа харчо и фетучини с ветчиной и грибами, уже побывавших в желудках офисных тружеников, не убиенный аргумент против скупердяйства.

И действительно, когда через пару часов он вернулся в офисный центр, дядя в дорогом пиджаке, а теперь ещё и с красными глазами, стал сговорчивее. И когда Николай Федосеевич сообщил, что цена услуги возросла в полтора раза, он торопливо закивал в знак согласия. А его красные глаза выражали надежду, что процесс отсасывания котлет по-киевски и ризотто с курицей, перешедших в иное состояние, больше не будет откладываться.

2.

По случаю окончания рабочего дня Николай Федосеевич был чуть навеселе, когда пришёл домой. Нельзя сказать, чтобы он «этим делом» злоупотреблял, хотя тут зависит, с чем сравнивать. Если с премьер– министром Великобритании Уинстоном Черчиллем, который по слухам, в течение дня выпивал бутылку армянского коньяка, то Лекарев весьма умеренно употреблял спиртные напитки. А если с коллегами по бизнесу, то Николая Федосеевича можно было записать в трезвенники.

Дозировка приёма горячительных напитков мужем не являлась откровением для Элеоноры Сергеевны, и соответственно не могла служить причиной насупленных бровей, и Николай Федосеевич поинтересовался у жены:

– Ты чего такая?

– Какая «такая»?!

Лекарев, как мог, передал выражение лица супруги. Гротеск пародии усиливали не прополотые кусты бровей самого Николая Федосеевича, и Элеонора раздражённо бросила на стол полотенце:

– Тебе всё смешки! А твой сын совершенно не желает учиться!

Николай Федосеевич сомневался, что его сын когда-нибудь возглавит национальную Академию наук, но и не мечтал, чтобы Слава продолжил дело отца, поэтому сказал:

– Я поговорю с ним.

Жена смягчила формулировки:

– Вообще, у него только по физике... не очень. Ну, и по математике... Мальчик, видимо, гуманитарий.

– Это поправимо.

– Учителя говорят, что он очень способный! Светлая голова...

– Умная голова, да дураку досталась.

– У мальчика переходный возраст.

– У некоторых переходный возраст плавно переходит в климакс.

– Я надеюсь, что ты обойдёшься без рукоприкладства!

– Неужели, я похож на человека, способного врезать подзатыльник нашему мальчику?

Ответ на вопрос Николая Федосеевича был однозначен, как в случае с восьмидесятипятилетней старухой, подкрасившей себе губы, и приступившей к осаде сиделки:

– Как я теперь выгляжу?

Но Элеонора Сергеевна почла за лучшее не усугублять педагогические устремления мужа, и только пожала плечами.

А Николай Федосеевич, так и не поведал жене, что вчера «их мальчик», окутанный как ёжик туманом, сигаретным дымом, огрѐб полновесного «лѐща». Нежданная встреча Лекарева-старшего с сыном случилась в дальнем углу двора, за гаражами.

3.

Утром. Николай Федосеевич с удивлением посмотрел на сына:

– Ты куда-то собираешься?

– Так, ведь... в школу.

– На фи́га?

– Учиться...

– Зачем тебе эта нервотрѐпка? Физика, математика... Опять закуришь.

– Я больше не буду курить.

– Это я к слову. Я тебе о другом говорю. Ты подумай: десять классов образования. Десять лет! Годы, потраченные в пустую! За глаза, хватило бы и половины! А у тебя, уже почти шесть классов!

– И ... что делать?

– У меня коллега по бизнесу заболел. – Николай Федосеевич, обозначая диагноз, щѐлкнул себя по горлу. – Заменишь его. Только вот это одень.

Отец протянул сыну синие треники с вытянутыми коленками и потрѐпанную рубашку.

Слава взял вещи и посмотрел на отца, словно желая удостовериться, шутит он или говорит серьёзно. Но манера Николая Федосеевича объясняться, как обычно, не позволяла этого сделать, а сейчас ещё, и не оставляла собеседнику никакого выбора.

В тот день, в душе Славы Лекарева, гуманитарий подвинулся, уступая место технарю. Слава взглянул на человека глазами конструктора. Он был потрясѐн, насколько не совершенен, не эффективен и не доработан этот механизм. Трудно найти другое устройство, пусть это будет самый допотопный двигатель, который пожирая такую прорву топлива, так небрежно сжигал его, словно собираясь засыпать всё вокруг сажой и перемазать копотью.

Но эти технические расчѐты стали возникать в голове Славы уже потом, через неделю, когда смрад болот из «недогоревшего топлива», стал потихоньку отпускать.

А в тот день, Слава Лекарев разворачивал шланги «говновозки», шерудил лопатой в зловонной жиже, зеленел и блевал.

Вечером, когда, наконец, Слава вышел из ванной, Элеонора Сергеевна испуганно потрогала губами лоб сына:

– Какой-то ты бледный! Ты не простыл?

Но температуры, к счастью, не было. От сына исходил букет ароматов из шампуня, дезодоранта, духов Элеоноры Сергеевны, бальзама для ног, отцовского геля после бритья и чего-то ещё.

4.

В школу, Слава собирался на рассвете. Натягивая штаны, он старался не шуметь, и был похож на зека, отчаявшегося на «рывок» и всеми силами, старавшегося не разбудить тюремную охрану.

И когда он на цыпочках двинулся к двери, Николай Федосеевич, незримо наблюдавший за сборами сына в школу, положил ему руку на плечо:

– Присядь. – Отец поправил воротничок рубашки у Славы, и уточнил: – Ты в школу?

В голосе мальчика билась надежда, как пойманная на крючок форель:

– Да!

Николай Федосеевич одобрительно кивнул.

– Если ты хочешь сделать мой бизнес семейным, я не буду возражать. Я тебе больше скажу. Говно не знает кризисов, революций, и недостатка комплекующих, поэтому будет приносить деньги всегда. И твоего образования, уже сейчас, вполне достаточно для поступления на первичную должность. Если же ты хочешь продолжить своё образование, то пожалуйста! Но тогда, в конце года ты должен предоставить мне аттестат, из которого значится, что проблем с физикой, математикой, и прочими предметами не существует. А я обязуюсь, оплатить твой труд, согласно этой ведомости. Вот эти деньги, пересчитай.

Слава пересчитал купюры, и по его физиономии стало видно, что вчерашний день и сегодняшнее утро, были озарены самыми яркими впечатлениями в его жизни.

Николай Федосеевич взял деньги, положил в конверт и убрал в карман.

– Так сложилось, что у меня выбора не было. Когда родился твой брат Федька, твоя мама училась в институте, и деньги были нужнее, чем второй диплом о высшем образовании в семье. А у тебя выбор есть.

Отец встал, давая понять, что беседа окончена.

– У Феди тоже был переходный возраст. И вопрос о семейном бизнесе стоял достаточно остро. Но твой старший брат выбрал переход, который ведёт к юридическому факультету университета.

5.

Новые времена, разорвавшие советскую империю и поделившие людей на классы, не повлияли на производство дерьма в стране. Его не стало меньше, скорее наоборот. И если бы не предпринимались ежедневные, титанические усилия, то на месте наших равнин, давно бы уже возвышались нерукотворные горы.

Поэтому у Николая Федосеевича, вторым во дворе, после Коли «Бандюка» из семьдесят шестой квартиры, появилась иномарка. Сначала поддержанная, а потом совсем новая, лоснящаяся от своей респектабельности, как домашний кот, принимающий солнечные ванны на подоконнике. В личной беседе, Николай Федосеевич перестал бравировать чином «дерьмовщика», предпочитая звание «индивидуального предпринимателя».

А Слава Лекарев вполне успешно освоился на новой должности «ученика школы», поэтому в конце каждого учебного года пересчитывал вознаграждение, положенное ему по не писаному контракту.

Трудно сказать, что озарило Славу Лекарева больше: рабочий день ассенизатора или купюры в конверте, но вскоре алгебра уже не казалась ему полной абракадаброй, а у физики, вы не поверите, обнаружились просто интересные разделы.

И когда вопрос встал о золотой медали по окончании школы, Николай Федосеевич сказал сыну:

– Есть профессии, которые будут востребованы всегда. В этом рейтинге, на первое место я бы поставил свою специальность, а на второе банковское дело. Говно и деньги будут тащиться за человечеством до конца света. Если ты не хочешь продолжить династию, то почему бы тебе не пойти в банкиры? Ты так красиво пересчитываешь купюры, что на тебя приятно смотреть!

Гонорар, который Слава пересчитывал в конце учебного года, когда приносил отцу дневник с оценками, безусловно, влиял на его, сначала хорошую, а потом и отличную учёбу. Кто бы стал по этому поводу спорить! Но главную роль купюры в конверте сыграли в первый год, после заключения не писанного контракта с отцом.

А потом стал просыпаться интерес к учёбе, появился азарт, желание стать лучшим, и это вошло в привычку. Да, да, Слава понял, что навык хорошей учёбы, это в значительной части привычка. Ну, грубо говоря, как курение. Впрочем, нет, с куревом пример неудачный. В семье Лекаревых этим не баловались. За очень редким исключением.

6.

На это «очень редкое исключение» Николай Федосеевич наткнулся в очередной выезд на стройку, где усилиями каменщиков, поднимался в два этажа, его загородный дом.

Обычно, ездили всем семейством, но в этот раз, у старшего сына Феди, который работал адвокатом, и у Славы, нашлись причины остаться в городе. Не обнаружилось причин ехать только у самого младшего Лекарева – Кирилла.

Когда Николай Федосеевич престал возиться с мангалом, развёл огонь и стал дожидаться подходящих для шашлыка углей, он насторожился от тоненькой струйки дыма, поднимающейся из-за поддонов с кирпичами. Поддоны стояли в углу участка, образуя подобие крепости, и без необходимости туда не ходили.

Николай Фёдорович пошёл на тревожный дымок, и обнаружил в катакомбах из поддонов с кирпичами самого младшего из Лекаревых. Кирилл старательно раскуривал длинную сигару, морщась от противного табачного дыма, кашляя и постоянно сплёвывая.

Дым кубинской сигары свидетельствовал, что сын вырос для установочной беседы. А соотношение длины сигары и роста Лекарева – младшего, вызывало улыбку и лишало Николая Федосеевича способности дать сыну затрещину.

7.

На следующей неделе, то ли в среду, то ли в четверг, сейчас уже сказать трудно, и при необходимости лучше уточнить у Кирилла: он тот день запомнил навсегда, Николаю Федосеевичу позвонили.

Он поговорил по телефону, а потом подошёл к Кириллу.

– Я вот всё думаю, кубинская сигара...

– Я больше не курю. – торопливо заверил сын.

– От чего?

- Ну, её ... эту сигару. Вонючая и тошнит потом.
- Я сейчас о другом. Остров Куба, океан, белый пароход. Мечта! Но чтобы стать путешественником надо хорошо учиться, в том числе и по математике.
- Мама говорит, что я, наверное, гуманитарий.
- Она путает гуманитариев с олухами. Ладно, не сбивай меня. Есть возможность посмотреть на обитателей океана: осьминогов, крабов, устриц и прочих морских гадов. Тебе, как мечтающему о путешествиях, это будет полезно.
- Живых?
- Преображённых.
- Как это?
- Долго объяснять. Увидишь, сам поймёшь.
- А как же школа?
- Морских гадов завтра выпустят в океан. Сегодня последний день, когда их можно увидеть.

Кирилл исподлобья посмотрел на Николая Федосеевича. Не нравилось младшему Лекареву всё это: гады какие-то, Куба, «олух» опять же. Муть какая-то. Да, отец водил его и в океанариум, и в зоопарк, но это всё было в выходные или в отпуске. А так, чтобы вместо школы?! Что-то тут было явно нечисто.

Но в наборе взглядов Николая Фёдоровича имелись экземпляры, убивающие альтернативу для оппонента, как свёрнутая газета комара. И этот был из их числа.

– На вот, переоденься. Это больше подходит к морской тематике.

Отец протянул Кириллу старую тельняшку и такие же, издававшие виды, штаны.

У Николая Федосеевича опять заёрзал в кармане мобильник.

– Да... Да, конечно. Я же сказал, что минут через сорок мы подъедем. Ну, если бы было не срочно, вы бы звонили не мне, а может быть в консерваторию. На отделение смычковых инструментов.

Как потом вспоминал Кирилл Лекарев, это нервничал директор рыбного ресторана «Севрюга», в котором зафонтанировали унитазы. Надо полагать, уже бывшими в употреблении лобстерами.

Комплимент.

Пребывание Валентины Ивановны в добром расположении духа, обычно, выделялось её фразой:

– Афанасий, идите ко мне. Я вам дам!

При этом она вертела в руках листок с заданиями для курьера.

Судя по всему, Валентина Ивановна не признала завоеваний сексуальной революции, всплывшей на развалинах советской державы, после которой многие слова обрели оттенок скабрёзности.

А вот, офисный водитель Константин Михалыч, который тоже хорошо помнил времена с отсутствием секса в стране, перешёл на сторону победившей революции, правда, уже не активным участником, а сочувствующим. И как всякий ветеран, любил пофилософствовать о делах давно минувших дней.

Вот и сейчас, он весело поинтересовался:

– Валентина Ивановна, почему всегда Афанасию? А мне?

Константин Михалыч не относился к мужчинам мечты Валентины Ивановны, что читалось в её ответном взгляде.

Она уютно разместила округлости своего тела в секретарском кресле, томно посмотрела в зеркальце, проверяя сохранность макияжа, и разбавила радужное настроение водителя свинцовыми тонами:

– Тебе Курдяев даст. Он сейчас приедет.

Улыбка стекла с лица драйвера, как тосол из дырявого радиатора. Аудиенция с шефом не входила в планы Константина Михалыча, так как не имела шансов попасть в рубрику «награда нашла героя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.